

40 лет Институту истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Н. А. ГРИГОРЬЯН, Е. Б. МУЗРУКОВА

ПРОФЕССОР ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ БЛЯХЕР

Выдающийся биолог и историк биологии Леонид Яковлевич Бляхер принадлежал к поколению ученых, благодаря которым Институт истории естествознания и техники стал центром историко-научной мысли СССР.

Родился Л. Я. Бляхер 16 октября 1900 г. в Самаре в семье земского статистика. В 1918 г. окончил гимназию в Оренбурге. Вскоре его мобилизовали в армию Колчака, а после взятия Оренбурга большевиками он был призван в Красную Армию. Заболевание тифом ускорило его демобилизацию. В 1920 г. семья переехала в Москву, и Леонид Яковлевич поступил на медицинский факультет 2-го МГУ. Будучи студентом медицинского факультета, он прошел биологический практикум на естественном факультете физико-математического факультета МГУ под руководством М. М. Завадовского. Тогда же Бляхер посещал организованный Завадовским кружок биологов в Московском зоопарке, сыгравший огромную роль в создании московской школы биологов-экспериментаторов.

В 1925 г. Леонид Яковлевич окончил медицинский факультет 2-го МГУ и стал ассистентом кафедры общей биологии 2-го Московского медицинского института. С 1926 г. он старший ассистент этой кафедры, с 1930-го — доцент, а с 1933-го — заведующий кафедрой. В 1935 г. Бляхеру была присуждена ученая степень доктора биологических наук и звание профессора. В 1945 г. он возглавил лабораторию теоретической биологии Института экспериментальной биологии АМН СССР.

Успешная научно-исследовательская и научно-педагогическая деятельность Леонида Яковлевича продолжалась до 1948 г. — до мрачной августовской сессии ВАСХНИЛ, которая явилась крутым поворотом в научной судьбе ученого: он лишился кафедры и лаборатории и до 1955 г. был безработным. В мае 1955 г. Бляхер был зачислен на должность старшего научного сотрудника ИИЕТ АН СССР. С 4 апреля 1956 г. по 10 декабря 1975 г. — в течение 20 лет — Леонид Яковлевич руководил в Институте сектором истории биологических наук. Именно в эти годы в нашей стране сложилась школа историков биологии, а сектор стал средоточием историко-биологических исследований. Бляхер оставил руководство сектором в возрасте 75 лет, но еще продолжал работать в институте до 1985 г.

Среди сотрудников ИИЕТ Леонид Яковлевич Бляхер был единственной жертвой сессии ВАСХНИЛ. Это событие в его биографии заслуживает обстоятельного освещения, тем более что до последнего времени такой возможности не было.

Профессор Бляхер был освобожден от заведования кафедрой общей биологии согласно приказу министра высшего образования и министра здравоохранения СССР за № 1216/525 от 24 августа 1949 г. Приказ гласил: «Освободить профессора Л. Я. Бляхера от работы заведующего кафедрой общей биологии 2-го Московского государственного медицинского института имени И. В. Сталина, как активного приверженца и пропагандиста реакционного вейсмановско-менделеевско-моргановского направления в биологии, и назначить на эту должность профессора биолога-мичуринца». Заметим кстати, что Леонид Яковлевич всегда гордился тем, что он вейсманист-морганист, и бережно хранил этот приказ как документ, удостоверяющий его принадлежность к этому учению.

Сессия ВАСХНИЛ проводилась в период холодной войны при существенном

ухудшении социально-политического и нравственного климата в обществе. В 1947—1948 гг. шла систематическая и последовательная борьба с «реакционной» буржуазной наукой и буржуазными учеными, а также с теми советскими учеными, против которых было выдвинуто обвинение в космополитизме и низкопоклонстве перед Западом. Эта жестокая борьба привела к преследованию инакомыслящих, искавших оригинальные пути в науке. В травле ученых в эти годы особенно преуспели газеты «Медицинский работник» (орган Министерства здравоохранения СССР) и «Культура и жизнь» (орган отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)).

Газета «Медицинский работник», по справедливому определению профессора Я. Л. Рапопорта, была тогда «рупором всякого псевдонаучного мракобесия, пропагандистом омерзительного невежества» [1, с. 289]. Именно «Медицинский работник» начал и из номера в номер травил Л. Я. Бляхера как автора учебника «Курс общей биологии с зоологией и паразитологией» [2], по которому изучали биологию студенты всех медицинских вузов*.

18 августа 1948 г., спустя неделю после августовской сессии ВАСХНИЛ, в «Медицинском работнике» появилась большая (на всю газетную полосу) статья двух профессоров — И. Г. Кочергина (в то время заместителя министра здравоохранения) и Н. В. Турбина под названием «Порочный учебник. О "Курсе общей биологии с зоологией и паразитологией" профессора Л. Я. Бляхера». Отметив, что Лысенко своим докладом помог вскрыть недостатки в преподавании биологии в медицинских вузах, что в программах и учебниках по биологии отсутствует освещение основ мичуринской биологии — трудов Мичурина и Лысенко и что эти программы и учебники проникнуты реакционными идеями менделизма-морганизма, Кочергин и Турбин подчеркнули: «Все эти пороки программы по биологии, весь этот реакционный идеалистический вейсманистский дух полностью пропитали учебник профессора Бляхера». Авторы статьи обвиняли Бляхера «в слепой приверженности менделизму-морганизму», в том, что он не меняет своих взглядов, оставаясь сторонником классической генетики, несмотря на «то, что согласно исторической сессии ВАСХНИЛ 1936 г. единственной теорией наследственности признается учение Мичурина—Лысенко». Бляхеру ставилось в вину приверженность не только менделизму-морганизму, но и антидарвинизму. Характерным был такой штрих: Бляхер поместил в учебнике портреты Менделя, Вейсмана, Негели, Моргана, между тем как в нем отсутствовали портреты Мичурина, Лысенко и других «крупных передовых биологов». В заключение авторы писали: «Это порочная и вредная книга, которую следует изъять из употребления в качестве учебника для медицинских вузов». Они считали, что необходима неотложная коренная перестройка всей учебной и научной деятельности биологических кафедр с целью устранения всякого влияния на деятельность этих кафедр реакционного вейсманизма-менделизма-морганизма и утверждения безраздельного господства мичуринской биологии [3].

Леонид Яковлевич Бляхер.

Фото 50-х гг.

Предоставлено иконотекой ИИЕТ РАН

* Этот учебник за семь лет переиздавался четыре раза. Первое издание увидело свет в 1937 г., последнее — в 1944-м.

Через неделю, 25 августа, «Медицинский работник» поместил информацию о совещании в Министерстве здравоохранения СССР, посвященном обсуждению вопроса о пересмотре программы и учебников по биологии, где учебник Бляхера был признан порочным [4]. На курсах по истории медицины при Центральном институте усовершенствования врачей заместитель министра здравоохранения СССР Н. А. Виноградов с удовлетворением констатировал, что учебник Бляхера изъят из библиотек учебных заведений, а автор отстранен от руководства кафедрой. Еще через неделю, 1 сентября, в статье «Важное решение» газета «Медицинский работник» приветствовала совместный приказ Министерства высшего образования и Министерства здравоохранения СССР, согласно которому учебник Бляхера запрещено использовать как пособие, а сам он, как активный пропагандиствейсмановского направления, освобожден от заведования кафедрой биологии [5]. 8 сентября «Медицинский работник» сообщил о совещании в Министерстве здравоохранения СССР, проходившем 4 и 7 сентября, на котором с докладом «О вредной пропаганде реакционных биологических теорий в медицинской печати» выступил директор Медгиза В. М. Банщикова [6], говоривший в основном о неудобном учебнике Бляхера. В том же номере газеты в статье «За большевистскую партийность и непримиримость» рассказывалось о партийном собрании коммунистов (500 человек) 2-го Медицинского института, посвященном итогам сессии ВАСХНИЛ. «Мы подняли на щит Бляхера, — сказал директор института С. И. Миловидов, — как автора известного учебника, некритически отнеслись к его деятельности, слепо доверившись ложному авторитету» (цит. по [7]). Е. Валентинов в статье «Полупризнание вместо развернутой самокритики», опубликованной там же, писал о двухдневном заседании Ученого совета Института экспериментальной биологии АМН СССР, в котором Бляхер много лет возглавлял лабораторию теоретической биологии. Выступавшие критиковали учебник Леонида Яковлевича и говорили о приверженности автора реакционному менделизму-морганизму. Как считал Валентинов, «вместо развернутой самокритики Бляхер ограничился признанием своих ошибок в научно-педагогической деятельности» [8].

15 сентября «Медицинский работник», информируя о расширенном заседании (9—10 сентября) президиума АМН СССР, на котором о докладе «Вопросы медицинской науки в свете решений сессии ВАСХНИЛ (по докладу Т. Д. Лысенко)» выступил академик-секретарь И. П. Разенков, снова, в который уже раз, обрушился с критикой на Бляхера [9]. Наконец, тот же Банщикова в сверхсрочно изданной книжечке «Против реакционных биологических теорий в медицине», которая на упомянутом расширенном заседании президиума АМН раздавалась всем участникам, среди вредных и порочных учебников первым назвал «Курс общей биологии» Л. Я. Бляхера [10].

Приведенное свидетельствует о том, что все события разворачивались по заранее составленному сценарию с одобрения верховной власти. Безудержная борьба с космополитизмом, начатая после известных постановлений партии и правительства по идеологическим вопросам, завершилась разгромом генетики в 1948 г. Как отразилось это на конкретной человеческой судьбе, мы видим на примере Л. Я. Бляхера, насильственно отлученного от любимой им экспериментальной науки и преподавания, вынужденного семь лет быть безработным. Вместе с тем этот драматический поворот в его биографии оказался счастливым для истории науки. В ИИЕТе Л. Я. Бляхер создал фундаментальные труды по истории биологии, воспитал целое поколение отечественных историков биологии, пришедших в аспирантуру института в начале 50-х гг.

В силу того что Леонид Яковлевич занимался педагогической деятельностью, писал свой замечательный учебник, он прекрасно знал не только биологическую, но и историко-биологическую литературу. Одним из первых исторических обзоров, написанных им еще в 1929 г., был очерк «Хромосомная теория наследственности» [11]. Этот очерк уже тогда продемонстрировал основные качества Бляхера как историка науки: превосходное знание предмета, простоту и ясность из-

ложения, умение выделить главное в проблеме, бережное обращение с фактами и великолепный литературный стиль. Все это в полной мере проявилось и в первой фундаментальной историко-биологической работе Леонида Яковлевича — «История эмбриологии в России» [12].

Сам предмет исследования был выбран автором неслучайно. В 50-е гг. интерес к истории русской науки искусственно подогревается «сверху» борьбой с космополитизмом. Именно в это время появились никому не ведомые российские самородки, которые будто бы первыми открыли многое из того, что было уже давным-давно освоено мировой наукой и не нуждалось в переоценках. Лжепретензии на приоритет делали свое дело. Именно тогда были пересмотрены открытия в области клеточной теории, оплодотворения, митоза. Но книга Бляхера в корне отличалась от других творений, написанных в период псевдонаучного бума. Леонид Яковлевич действительно прославил русскую науку, не только впервые проанализировав становление отечественной эмбриологии, начиная с трудов К. Бэра и Х. Пандера и кончая работами исследователей середины XX в., но и показав уникальную роль русской эмбриологической школы в развитии биологии XIX столетия. Это относится в первую очередь к эволюционной сравнительной эмбриологии, созданной А. О. Ковалевским, И. И. Мечниковым и их учениками. Поистине титаническая работа с архивными материалами позволила Бляхеру и досконально изучить исследования корифеев эмбриологии, и оценить значение ведущих научных центров и научных обществ России в развитии эмбриологии беспозвоночных. Будучи эмбриологом-экспериментатором, Леонид Яковлевич подробнейшим образом описал эволюцию эмбриологии беспозвоночных по всем основным систематическим группам, благодаря чему его труд был и остается единственным в своем роде справочно-энциклопедическим пособием по истории эмбриологии.

Эта монография окончательно определила стиль Л. Я. Бляхера как историка науки. Безусловно, биологу-экспериментатору с мировым именем (работы Бляхера и его учеников цитировались Г. Шпеманом, П. Вейсом, упоминались во многих руководствах по эмбриологии) было непросто переключиться на другую проблематику, имеющую свою специфику и свои традиции. И тем не менее Леонид Яковлевич не только освоил новую область приложения своих сил, но и внес в нее лишь ему присущее сочетание блестящего владения фактами, эрудиции и чувства истории с необыкновенной логикой изложения самого сложного вопроса. Очень часто многим историкам науки свойственна некоторая «приблизительность» знания, от чего страдает их исторический анализ. Иначе обстояло дело у Бляхера. Можно сказать, что он привнес в историю биологии точность экспериментальной науки.

Л. Я. Бляхер выступал и в роли публикатора. Чрезвычайно интересными являются публикации, увидевшие свет после выхода «Истории эмбриологии в России»: это переписка А. О. Ковалевского и И. И. Мечникова с А. Марионом и Н. Клейненбергом [13], а также письма А. О. Ковалевского и М. М. Усова [14]. В этих письмах отражен «аромат» эпохи, когда авторитет русской эмбриологической школы был необыкновенно высок.

Конец 50-х—начало 60-х гг. были для Леонида Яковлевича очень продуктивными. Он вплотную начал заниматься историей морфологии животных, поставив перед собой цель осветить основные этапы развития морфологии как комплекса дисциплин, различными методами исследующих все проявления формы и структуры. Сюда относятся сравнительная анатомия, цитология, эмбриология, палеонтология. Результаты этой работы были опубликованы в виде серии статей под общим заглавием «Этюды по истории морфологии» [15, 16], а затем в виде монографии «Очерк истории морфологии животных». Автор книги попытался дать историческую оценку проблемы соотношения формы и функции, поскольку считал одной из важнейших задач биологии преодоление разрыва между морфологией и физиологией, обнаружение истинного соотношения между формой и функцией. В этой монографии большое место занимает анализ исследований как оте-

чественных, так и крупнейших зарубежных морфологов. Леонид Яковлевич писал: «Зарождение и развитие идей, знаменующих прогресс науки, является плодом умственных усилий мыслителей, живших в разных странах, в разные эпохи. Об этих благородных усилиях не следует забывать, как нельзя забывать и имена тех, кому наука обязана своим победным движением вперед» [17, с. 4].

Начав книгу с работ Аристотеля, Бляхер закончил ее современными исследованиями по эмбриологии на молекулярном и биохимическом уровне. И то, что имя Т. Моргана упомянуто всего один раз (в связи с его эмбриологическими исследованиями), можно отнести только к недостаткам нашей науки тех лет. Лысенковщина тогда еще не утратила своих позиций в биологии, и сложилась совершенно парадоксальная ситуация, когда можно было говорить о биохимии клеточного ядра, о строении ДНК и синтезе белка, но нельзя было излагать воззрения А. Вейсмана, Т. Моргана и его школы, писать о проблеме наследования приобретенных признаков — пробном камне и опоре лысенкоизма. И тем не менее в этой монографии Леониду Яковлевичу все-таки удалось достаточно подробно осветить «идеалистические» взгляды одного из своих учителей — выдающегося биолога А. Г. Гурвича и тем самым привлечь внимание к нетрадиционным концепциям формообразования, так долго шельмовавшимся в нашей стране.

Стремление воздать должное незаслуженно забытым деятелям отечественной науки и донести до современников их оригинальные идеи нашло отражение в блестяще написанной Л. Я. Бляхером биографии известного эмбриолога, ученика А. О. Ковалевского — К. Н. Давыдова [18]. Источником сведений о жизни Давыдова, покинувшего родину в 1922 г., для Леонида Яковлевича послужили личные беседы с друзьями и товарищами ученого, знавшими его до отъезда за границу и встречавшимися с ним за рубежом, а также документы, предоставленные вдовой Давыдова — Агнесой Юрьевной. С огромной ответственностью собирал историк материал для этой книги, и, как правильно отметил в предисловии к ней академик Л. А. Зенкевич, если бы эту биографию не написал Бляхер, ее не смог бы написать никто другой. Именно здесь потребовалось редкое сочетание профессиональных знаний эмбриологии, сравнительной морфологии и филогении со знанием истории этих наук. Благодаря любви Леонида Яковлевича к литературе и его поэтическому восприятию природы вышла из-под его пера прекрасная глава этой книги — «К. Н. Давыдов — натуралист-охотник и певец русской природы», которая не только показывает многогранность личности Давыдова, но и свидетельствует о незаурядном литературном даре Бляхера. Не следует забывать, что К. Н. Давыдова причисляли к идеалистам, приверженцам взглядов А. Бергсона и Г. Дриша, и надо было обладать большой смелостью, чтобы в 1963 г., говоря о научном мировоззрении Давыдова, заявить, что не стоит приклеивать ярлык виталиста по поводу и без повода, что «эволюция терминов, как правило, отстает от эволюции идей» [там же, с. 227].

В начале 70-х гг. Леонид Яковлевич работает над коллективным трудом «История биологии». Он редактирует второй том, пишет основополагающие разделы по истории эмбриологии и эволюционного учения, которые являются образцом написания обзорных глав по фундаментальным вопросам биологии. И хотя эта работа отнимает много времени и сил, ученый не оставляет своей мечты — начать книгу о проблеме наследования приобретенных признаков. В 1970 г. он публикует статью «А. Н. Северцов и неоламаркизм», в которой прослежено нарастание оппозиции Северцова основным положениям концепции неоламаркизма [19]. В дальнейшем эти материалы вошли в монографию «Проблема наследования приобретенных признаков», увидевшую свет в 1971 г. [20].

История создания этой монографии поистине драматична. В начале 70-х гг. тема лысенковщины и ее роковой роли в истории отечественной биологии по-прежнему была табуизирована. Нельзя было упоминать ни о дискуссиях 1936 и 1939 гг. об основных положениях генетики, ни о сессии ВАСХНИЛ 1948 г., ни о репрессиях против цвета биологической науки, последовавших вслед за этим.

Однако Леонид Яковлевич не желал ограничиваться в книге о такой непростой проблеме лишь описанием теоретических коллизий и экспериментов, опровергающих ламаркизм, а хотел дать развернутую критику воззрений Лысенко. Но, к сожалению, выполнить эту задачу Бляхеру не удалось, поскольку сам выход в свет монографии в издательстве «Наука» был поставлен под угрозу. Спас этот выдающийся труд академик Б. Л. Астауров, человек большого ума и таланта и столь же щедрого сердца. Леониду Яковлевичу пришлось поступиться многим, но тем не менее для тех, кто умел читать между строк, было совершенно ясно, что эта книга не просто посвящена «проблеме наследования приобретенных признаков и многовековым дискуссиям на эту тему», как сказано в аннотации к ней. Труд ученого является приговором научной некомпетентности, а приводимые в ней результаты экспериментов, теоретические воззрения классиков биологии воспринимаются вне временного контекста. В сравнении с ними все высказывания Лысенко и К^о выглядят невежественной болтовней. Не случайно, что эта монография — одна из немногих работ по истории биологии, переведенных на английский язык (издана в США в 1984 г.). Более блестящего анализа этой проблемы до книги Бляхера история биологии не знала.

В 70—80-е гг. Леонид Яковлевич, продолжая работать над историей эволюционного учения, публикует статьи о взглядах М. А. Антоновича и Г. Зейдлица, пишет многочисленные рецензии, готовит большой труд по историографии биологии, который он, увы, так и не успел закончить. Заключительным аккордом творчества Бляхера стала монография «Проблемы морфологии животных». Она не была повторением уже сказанного в предыдущих работах — на основании первоисточников в ней отражено становление и развитие главных направлений морфологии, показана борьба идей в этой области знания. Очень важной является последняя глава, где дана история развития представления о материальной основе жизненных структур с древнейших времен до наших дней. Впервые ученый мог свободно писать о работах Н. К. Кольцова, Н. В. Тимофеева-Ресовского и их влиянии на эволюцию молекулярной биологии, в которой аристотелевские понятия материи и формы слились в нерасторжимое целое [21]. Труды Бляхера по истории биологии — это целая эпоха, а его по праву можно назвать классиком истории биологии.

В эти годы Бляхер активно выступает на многочисленных конференциях, симпозиумах, заседаниях Московского общества испытателей природы (МОИП), к которым он относился с необыкновенной обязательностью, а юбилейный значок МОИП не снимал с лацкана пиджака — он был предметом его гордости. Выступления Бляхера, всегда предельно лаконичные по форме, насыщенные мыслью, заставляли вспоминать старую истину: «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Как правило, после выступлений и реплик Бляхера сказать и добавить что-либо, даже его оппонентам, было нечего.

В преклонные годы Леонид Яковлевич не переставал неустанно трудиться. Все в ИИЕТе, кто знал Бляхера в это время, помнят его склоненным над очередной рукописью — своей или чужой. Даже в так называемые присутственные дни он никогда не сидел без дела. Леонид Яковлевич никому не отказывал в помощи, читал все работы, поступавшие в сектор. При этом он относился ко всем доброжелательно, в нем не было чувства превосходства над другими людьми. Единственное, чего Бляхер не переносил, — это непорядочности и научной недобросовестности. Он не любил соавторства, но многие сотрудники сектора истории биологических наук до сих пор считают его своим соавтором, не только вспоминая советы ученого, но и мысленно спрашивая себя: «А что бы сказал Леонид Яковлевич, как бы он оценил мою работу?» Его похвала была лучшей наградой, хотя сам он наград не искал и не хотел, что доказал всей своей жизнью, не получив даже звания «Заслуженный деятель науки». Леонид Яковлевич любил повторять евангельское изречение: «Добродетель сама себе награда». Таким он и остался в памяти всех, знавших его: человеком высочайшего интеллекта, по-

рядочности, светлой души и чистой совести. Его имя — гордость Института истории естествознания и техники.

Список литературы

1. *Рапопорт Я. Л.* На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988.
2. *Бляхер Л. Я.* Курс общей биологии с зоологией и паразитологией. М., 1937.
3. *Кочергин И. Г., Турбин Н. В.* Порочный учебник. О «Курсе общей биологии с зоологией и паразитологией» профессора Л. Я. Бляхера // *Медицинский работник.* 1948. 18 авг.
4. В Министерстве здравоохранения СССР // *Медицинский работник.* 1948. 25 авг.
5. Важное решение // *Медицинский работник.* 1948. 1 сент.
6. В Министерстве здравоохранения СССР // *Медицинский работник.* 1948. 8 сент.
7. За большевистскую партийность и непримиримость // *Медицинский работник.* 1948. 8 сент.
8. *Валентинов Е.* Полупризнание вместо развернутой самокритики // *Медицинский работник.* 1948. 8 сент.
9. В президиуме АМН СССР // *Медицинский работник.* 1948. 15 сент.
10. *Банищikov В. М.* Против реакционных биологических теорий в медицине. М., 1948.
11. *Бляхер Л. Я.* Хромосомная теория наследственности // *Наука XX века.* Сер. II. Биология. М.; Л., 1929. С. 158—182.
12. *Бляхер Л. Я.* История эмбриологии в России: В 2 т. М., Изд-во АН СССР. Т. 1. 1955. Т. 2. 1959.
13. Научные связи А. О. Ковалевского и И. И. Мечникова с зарубежными эмбриологами // *Труды ИИЕТ АН СССР.* 1959. Т. 23. С. 93—143.
14. Из писем М. М. Усова и А. О. Ковалевского // *Труды ИИЕТ АН СССР.* 1961. Т. 31. С. 279—303.
15. *Бляхер Л. Я.* Этюды по истории морфологии (I) // *Анналы биологии.* 1959. Т. 1. С. 155—264.
16. *Бляхер Л. Я.* Этюды по истории морфологии (II—IV) // *Труды ИИЕТ АН СССР.* 1960. Т. 32. С. 3—27; 1961. Т. 36. С. 3—52; 1962. Т. 40. С. 18—156.
17. *Бляхер Л. Я.* Очерк истории морфологии животных. М., 1962.
18. *Бляхер Л. Я.* К. Н. Давыдов. М., 1963.
19. *Бляхер Л. Я.* А. Н. Северцов и неоламаркизм // *Из истории биологии.* 1970. Вып. 2. С. 112—122.
20. *Бляхер Л. Я.* Проблема наследования приобретенных признаков. М., 1971.
21. *Бляхер Л. Я.* Проблемы морфологии животных. М., 1976.